

УДК 347.633.1

**К вопросу об историческом обосновании
выделения «простого усыновления» в эволюции отечественной
правовой мысли дореволюционного периода**

Нуруллов А.А.

Аспирант кафедры гражданского права и гражданского процесса
Академии социального образования (Казань)

Для определения сущности и назначения усыновления с иностранным элементом необходимо выявить особенности её понимания в исторической ретроспективе. Цель данной работы – проанализировать сложившиеся в дореволюционной правовой доктрине концепции восприятия усыновления с иностранным элементом и сформулировать авторские представления о факторах развития представлений об усыновлении на определенном этапе законодательного регулирования.

Ключевые слова: усыновление, иностранное усыновление, международное усыновление, усыновление с иностранным элементом.

На протяжении длительной истории развития института усыновления в правовых системах мира происходило формирование научного представления о проблемах практического характера, которые, в свою очередь, влияли на концептуальные основы. При этом позиции отдельных ученых зачастую отражали ту политическую и правовую действительность, которая сопровождала усыновление в определенный период времени. Вследствие этой особенности прослеживается связь между подходом того или иного государства к порядку осуществления усыновления и реакцией научной общественности на проводимую в стране семейную политику.

Развитие правовой мысли о назначении и природе усыновления главным образом строилось по двум ключевым направлениям, которые сказались на образе рассматриваемого института в современности. Прежде всего позиции исследователей расходились по сущности правоотношений, связанных с усыновлением. Научный интерес представляли в общей массе два типа отношений – процессуального и материально-правового характера. И если первая категория не вызвала особо жестких дискуссий среди правоведов, то основная связь между усыновленным и его усыновителями воспринималась весьма неоднознач-

но. Рассмотрим более детально данную научную полемику. Из основного массива исследований, проводимых видными представителями правовой науки, можно выделить два основных подхода к пониманию природы отношений, возникающих в связи с усыновлением. Большинство ученых, в том числе современного периода, придерживаются мнения, что усыновление порождает родительские правоотношения и на данном основании не может иметь качественных отличий от них [1-3]. При этом отдельные авторы полагают, что такое восприятие усыновления соответствовало распространению идеи прав человека на европейском пространстве [4, с. 146].

Согласиться с такой точкой зрения можно лишь отчасти. Дело в том, что исторически законодательство даже европейских стран не воспринимало усыновление как правоотношение, идентичное родительскому. Оно всегда рассматривалось в качестве способа устройства детей, оставшихся без родительской опеки, при этом с преобладанием публичной воли над частным интересом [5, с. 60]. Действительно, при решении вопроса о детях родители исходят в основном из личных интересов, самостоятельно принимают решение о том, заводить ли им ребенка. В случае же с усыновлением такое решение всегда соприкасается с барьером, иску-

ственно созданным государством для соблюдения определенных условий.

Не случайно, по нашему мнению, в ряде зарубежных стран на раннем этапе развития законодательства об усыновлении допускалась идея о сохранении связей между усыновленным и его биологическими родителями [6, с. 29]. Так возникла концепция «простого усыновления», которая активно практиковалась во многих европейских странах на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. [7, р. 560]. Она олицетворяла состояние законодательства той эпохи и предопределила типологию усыновления в современных правовых системах (например, Франция, Нидерланды).

Вследствие этого стоит отметить, что исторически первым подходом к сущности усыновления служит тезис о несовпадении родительских правоотношений с отношениями, возникающими по факту усыновления. Такая позиция четко прослеживается в отечественной дореволюционной правовой литературе у Г.Ф. Шершеневича [8, с. 444], а в советское время она отстаивалась В.Н. Забродиной [9, с. 83] и А.Ю. Азизовой [10, с. 53]. На «искусственности» отношений, складывающихся по итогам усыновления, акцентировал внимание А.Г. Гойхбарг [11, с. 163]. Ключевым знаменателем данного понимания усыновления служит отсутствие факта родства, которое, по мнению указанных ученых, является определяющим в родительских правоотношениях. Поскольку между усыновленным и усыновителем отсутствует биологическая связь, то и отношения между ними следует рассматривать как специальные. В силу данного обстоятельства такие отношения имеют и особую правовую основу [10]. Как следствие приверженцы данного подхода обосновывают тем самым специфику правового регулирования усыновления, которая сложилась за длительную историческую эволюцию.

Действительно указанные аргументы соотносятся с исторической ретроспективой законодательства об усыновлении, которое установило изначально довольно жесткие критерии. Идея о том, что усыновление выступает способом закрепления законного статуса ребенка под именем посторонних людей, сопряжена с характером правовых норм, сложившихся в России в XIX в. Практически вслед за Францией, установившей в начале XIX в. в Гражданском кодексе нормы об усыновлении, в России в тот же период начинается построение соответствующей правовой базы.

В частности, на основании Указа Александра I от 11 октября 1803 г. лицам дворянской принадлежности предоставлялось право усыновления при целой совокупности условий [12]. Во-первых, право усыновлять закреплялось только за теми представителями дворянства, которые считались «бездетными». Во-вторых, усыновление разреша-

лось только в отношении ближайших родственников, признанных «законнорожденными» [13, с. 43]. В-третьих, порядку оформления отношений с усыновляемыми придавался свойственный тому времени символизм, который заключался в передаче права на фамильный герб и наиболее ценной части наследуемого имущества, среди которого обязательно должна была значиться недвижимость [13, с. 43]. Последнее условие предопределяло целевое назначение усыновления – наследственное, в силу чего и правовые нормы служили лишь инструментом установления гарантий, связанных с получением усыновленным части наследственного имущества.

Аналогичный подтекст содержал и Указ Александра I от 1817 г., упростивший процедуру усыновления, но по-прежнему содержавший акцент на его наследственное предназначение с предоставлением соответствующих гарантий уже в отношении кровных родственников [12, с. 386]. Дальнейшее развитие института усыновления в императорской России строилось на принципах, заложенных в указах Александра I, что, в свою очередь, сформировало соответствующее научное представление о различиях между родительскими правоотношениями и правоотношениями, возникающими в результате усыновления. В частности, в 1835 г. право усыновления было предоставлено купцам при условии отсутствия у них собственных родных детей, а в 1839 г. аналогичное правило стало распространяться на усыновителей – иностранных граждан [14, с. 6]. Содержательно данные нормы вошли и в Свод законов Российской империи – в раздел гражданских законов, что предопределило на долгое время нахождения института усыновления в рамках гражданского права.

Исходя из этого, в правовых идеях XIX в. ярко прослеживается сословный принцип усыновления, который строго соблюдался в правоприменительной практике и отражал законодательство. Его критика была незначительна и на развитие правовой науки, по мнению И.В. Гессена, фактически не повлияла [15, с. 75]. Развитие же идеи о тождественности родительских правоотношений с отношениями усыновления происходило в начале XX в., когда в отдельных зарубежных странах происходила трансформация законодательной базы в этой области. По нашему мнению, восприятие усыновления с иностранным элементом на протяжении XIX – первой половины XX вв. как вида родительского правоотношения больше соответствовало действительности, нежели законодательству. Учитывая тот факт, что судьба усыновленного ребенка, вывезенного за границу, никем официально не отслеживалась, а на территории иностранного государства его текущий правовой статус, собственно, ничем не от-

личался от положения «кровных» детей в семье, необходимо признать самостоятельную позицию о тождественности правоотношений усыновления с родительскими семейными отношениями.

Литература:

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 2. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. – М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997. – 455 с.
2. Шахматов В.П., Хаскельберг Б.Л. Новый Кодекс о браке и семье РСФСР. – Томск, 1970. – 324 с.
3. Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. – М.: Госюриздат, 1955. – 264 с.
4. Головкина М.И. К вопросу об истории развития института усыновления в Российской Федерации // Юридическая наука, образование и практика: исторический опыт и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и молодых ученых. – Белгород, 2013. – С. 146-150.
5. Садеева Г.М. История становления и развития законодательного регулирования института усыновления в России // История государства и права. – 2014. – № 11. – С. 59-63.
6. Влаардингербройк П. Международное усыновление (удочерение) и принцип subsidiarности // Семейное и жилищное право. – 2006. – № 4. – С. 23-30.
7. Malaurie P., Fulchiron H. Droit civil – La famille, Defrenois 2ème éd. – 2006. – 1424 p.
8. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. – 556 с.
9. Забродина В.Н. О понятии усыновления // Вестник ЛГУ: Серия «Экономика, философия, право». – 1980. – № 11. – Вып. 2. – С. 83-88.
10. Азизова А.Ю. Усыновление как самостоятельный институт семейных правоотношений // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1983. – № 4. – С. 51-56.
11. Гойхбарг А.Г. Сравнительное семейное право. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. – 232 с.
12. Неволин К. История Российских гражданских законов. Т. I. По изданию 1851 г. – М.: Статут, 2005. – 590 с.
13. Пахман С.В. История кодификации гражданского права. Т. 2. – СПб.: Тип. 2. Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1876. – 495 с.
14. Абрамов Я.В. Узаконение внебрачных детей и усыновление. – СПб.: Ф. Павленков, 1903. – 70 с.
15. Гессен И.В. Узаконение, усыновление и внебрачные дети. – Петроград: Юрид. кн. склад «Право», 1916. – 250 с.

Historical Justification of “Simple Adoption” in the Process of Evolution of Domestic Legal Thought in the Pre-Revolutionary Period

A.A. Nurullov
Academy of social education

Definition of the nature and function of adoption with cross-border element demands finding out its meaning in historical retrospect. The aim of the paper is to analyze pre-revolutionary conception of adoption with cross-border element and to formulate author's understanding of the factors of development of understanding of adoption on the certain stage of legal regulation.

Key words: adoption, inter-country adoption, international adoption, adoption with cross-border element.